

Александр Лукоянов,
кандидат исторических наук (ИБ РАН)
ИРАН НА ПОРОГЕ ОБНОВЛЕНИЯ

Выборы президента Исламской Республики Иран (ИРИ) в июне 2009 г. показали высокую степень зрелости общества и перегрев политической системы, которая постепенно перерастает рамки, заданные 30 лет назад исламской революцией. В то же время, несмотря на попытки религиозного государства отгородиться от влияния извне, ситуация в стране связана с происходящим вокруг нее, и эта зависимость будет расти. Накал страстей, скорее всего, означает, что Иран стоит на пороге серьезных перемен, которые могут значительно повлиять на его внешнеполитические ориентиры и внутривластное устройство.

США, Израиль, арабские страны и – в несколько меньшей степени – государства Европейского союза считают иранскую ядерную программу одной из самых серьезных мировых проблем и крупнейшей угрозой международной стабильности. Кроме того, в силу происходящего на Ближнем и Среднем Востоке роль Ирана как региональной силы неуклонно возрастает, что очень тревожит его соседей. Поэтому к президентским выборам было приковано внимание всего мира. На Западе не скрывали надежду на то, что президент Махмуд Ахмадинежад, известный своими одиозными и провокационными высказываниями, уступит место более умеренному и договороспособному политику. Основания для таких надежд имелись. Экономическая ситуация за четыре года его правления значительно ухудшилась, нефтяные сверхприбыли (около 300 млрд. долл.) расходовались, по мнению многих иранцев, крайне неэффективно. Далеко не всех в Иране устраивала и вызывающая внешняя политика. Как отметил Ануширван Эхтешами, «к концу 2007 г. публичные опасения, связанные с политикой и стратегией президента Ахмадинежада, стали уже обычным делом». А Хасан Рухани выступил с заявлением, что нельзя устранять своих соперников и рассматривать их как врагов, поскольку «с командой из трех и даже из десяти человек нельзя управлять страной».

Способность внешних сил влиять на внутреннюю политику Ирана оценить трудно, хотя нет сомнений в том, что США и другие страны прилагают к этому усилия. Отмечу лишь наиболее известный факт обращения госсекретаря Кондолизы Райс к Конгрессу

су в 2006-м с просьбой выделить 75 млн. долл. на поддержку теле- и радиовещания на фарси, а также на финансирование деятельности диссидентских организаций. Эти средства должны были дополнить ассигнования, ранее выделявшиеся на борьбу с режимом. Многочисленные фонды и организации, цель которых – противодействие иранским властям, работают как в самих Соединенных Штатах, так и в соседних с Ираном странах.

Вместе с тем с уходом администрации Джорджа Буша Вашингтон несколько раз заявлял о желании начать диалог с Тегераном без предварительных условий. Вали Реза Наср, сын известного мусульманского мыслителя и историка Сейеда Хосейна Насра, занял пост старшего советника Барака Обамы по Ирану. По неофициальной информации, высокопоставленный чиновник посетил Тегеран в мае 2009 г. К организации этого визита предположительно имели отношение нынешний и бывший спикеры иранского парламента Али Лариджани и Голям-Али Хаддад-Адель. По сообщению IslamOnline.Com со ссылкой на информационное агентство Tabnak, президента Ахмадинежада поставили в известность о визите Насра уже после того, как тот въехал в страну. Реальная цель поездки осталась неизвестной, но можно предположить, что зондировались условия, на которых возможна смена внешнеполитического курса Ирана. В день проведения голосования президент США скорее позитивно оценил ситуацию в ИРИ: «Кто бы ни одержал победу на выборах, факт заключается в том, что там состоялись оживленные теледебаты, что, как мы надеемся, будет способствовать улучшению для нас возможностей по вовлечению Ирана в диалог». Госсекретарь Хиллари Клинтон также положительно оценила подготовку к выборам и их проведение. Однако события, последовавшие после оглашения итогов, смешали все карты.

Серьезные аналитики, не питающие иллюзий в отношении режима, не сомневаются, что Махмуд Ахмадинежад победил, хотя и ставят много вопросов. Например, Амира Тахери поразила поспешность, с какой было объявлено о победе Ахмадинежада – всего через два часа после закрытия участков для голосования. Он признает, что «возможности для обмана огромны»: «Все десять избирательных кампаний, предшествовавших нынешним, в Иране были, по мнению экспертов, справедливыми, но с таким же успехом их можно назвать и полным обманом. Мы этого просто не знаем: наблюдателей не хватает». Хотя президент не очень попу-

лярен в городах, это компенсируется солидной поддержкой в сельской местности. «Он, безусловно, выиграл, хотя цифра в 63% вызывает сомнения. Кроме того, маловероятно, что Ахмадинежад одержал победу в различных регионах и в разных возрастных группах», – резюмирует Тахери. Как бы то ни было, самого наличия такого рода сомнений оказалось достаточно для того, чтобы спровоцировать масштабную волну уличных протестов и вызвать раскол в религиозном руководстве ИРИ.

Возможно, о движущих силах и мотивах массовых выступлений, когда-то станет известно более детально. Со стороны было заметно, что возмущение «украденной победой», скорее всего вполне искреннее для тысяч участников протестов, искусно подогревалось информационной кампанией, в том числе развернутой на Западе, вбросами недостоверных сведений и откровенными провокациями, которые устраивали организаторы манифестаций. Жесткие действия по подавлению протестующих только распаляли страсти, порождая слухи о страшных репрессиях, пытках, убийствах оппозиционеров. Внешний фактор присутствовал, как минимум, в том, что участники выступлений явно работали на западное общественное мнение. В Иране мало кто говорит по-английски, но демонстранты несли плакаты на английском языке, размахивали флагами Евросоюза, также не слишком известными публике.

Стоит отметить, что сторонники прозападной ориентации Ирана и противники его сближения с Россией сумели использовать выборы для разжигания в стране антироссийских настроений, особенно в кругу студенческой молодежи и интеллигенции. Так, распространялись слухи о том, что к июньским событиям якобы причастны спецслужбы России, руководство которой, мол, активно поддерживает Махмуда Ахмадинежада. Сторонники проигравшего кандидата Мир Хосейна Мусави организовали в Тегеране и Ширазе демонстрации под лозунгом «Смерть России!» – своеобразный римейк лозунга «Смерть СССР!», популярного во время исламской революции. Если раньше Россию обвиняли в том, что она оказывает поддержку режиму мулл, развивая с ним торгово-экономические и политические связи, то теперь найден новый повод – якобы слишком поспешное признание победы Ахмадинежада. В действительности же российское руководство достаточно осторожно отреагировало на иранские события. Запланированные переговоры с Дмитрием Медведевым на саммите Шанхайской организации сотрудничества в Екатеринбурге, куда иранский прези-

дент прибыл с опозданием из-за событий в Тегеране, были отменены, и вместо них состоялась только протокольная встреча. Российские лидеры поздравили Махмуда Ахмадинежада отнюдь не первыми, а восьмыми, после других руководителей, например прозападной Турции. Китай, кстати, был вторым, да и основным торговым партнером Ирана является отнюдь не Россия. Но к остальным странам претензий по этому поводу не выдвигается, что заставляет предположить целенаправленную кампанию.

Как бы то ни было, внешнее воздействие, вероятно имевшее место на выборах в июне, стало лишь одним из элементов сложной внутренней игры, которая развернулась в Иране.

Хотя Иран часто изображают на Западе как религиозную диктатуру, в этой стране действует неординарная и достаточно гибкая система управления. В ее основе – исторически сложившийся баланс власти и оппозиции. В роли последней выступают как активная прослойка общества, так и часть высшего духовенства. Массовые выступления против властей – явление для Ирана обычное. Это вполне объяснимо для страны, более половины населения которой моложе 30 лет, т.е. находится в самом социально активном возрасте. Религиозно-политическая элита всегда учитывала эту особенность демографической ситуации. С одной стороны, обращение к молодежи служит эффективным способом достижения политических целей. С другой – контролируемые протесты позволяют регулировать давление внутри общественного котла и выпускать пар по мере надобности. Такая тактика особенно распространилась с приходом на президентский пост в 1997 г. аятоллы Мохаммада Хатами.

Так, летом 1999 г. в Тегеране, а затем и в ряде других крупных городов прошли демонстрации студентов, протестовавших против закрытия газеты «Ас-Салам», отражавшей взгляды сторонников Хатами. Демонстрации, которые были насильственно прекращены, показали наличие протестного потенциала не только в обществе, но и в религиозной элите. Студентов тогда поддерживали несколько аятолл, в том числе Абдул-Карим Мусави Ардебил, Юсеф Санаи и Хосейн Али Монтазери, находившийся под домашним арестом. Примечательно, что лидеры ИРИ также обратились к уличным методам, мобилизовав несколько миллионов человек и показав всему миру, что режим пользуется поддержкой. Однако с тех пор студенческие акции в память событий 1999-го проводились регулярно, особенно крупными они были в 2002 и 2003 гг.

Протесты продолжались и после прихода к власти в 2005 г. Махмуда Ахмадинежада. Например, заметные студенческие волнения против «деспотизма властей» имели место в 2006 г. В декабре 2007 г. аятолла Хатами, выступая на многотысячном митинге студентов Тегеранского университета, подверг критике экономическую политику президента и осудил репрессии против оппозиционных и студенческих активистов. Хатами провел прозрачную параллель с подавлением студенческого движения накануне исламской революции 1979 г., что привело к свержению шаха. Это один из характерных приемов иранской публичной политики. Аятоллы безнаказанно выступают с подстрекательскими речами, провоцируя студентов на антиправительственные демонстрации, а затем используют их для достижения собственных целей в непрекращающейся борьбе внутри неоднородного клерикального руководства.

Примером такого рода плюрализма может служить аятолла Хосейн Каземейни Боруджерди, арестованный еще в 2006-м за открытую антигосударственную пропаганду. «Мы против политической религии (“дин”)), – заявляет аятолла. Он обличает политиков в чалмах в том, что они торгуют исламом, в обществе при них распространились воровство и взяточничество, простой народ страдает от дороговизны и нехватки товаров. Более того, он говорит о том, что человек может избирать любую веру и никто не вправе ему препятствовать в этом. С точки зрения ортодоксов, эти слова могут расцениваться как бунт внутри ислама, за что полагается смертная казнь. Однако она грозит только простым смертным, но не высокопоставленным бунтарям, которых наказывают иначе, если могут. Аятолла Боруджерди представляет себя народным защитником, выступающим против несправедливой власти «высокомерных» («мостакберин»), против режима мучителей («режим шекандже»). «Моя вина заключалась в том, – говорит Боруджерди, – что я не хотел возносить молитвы за больших религиозных шайтанов и восхвалять религиозных гордецов (“мостакберин-е мазхаби”)). Аятоллу, открыто призывавшего к сопротивлению, выслали из Тегерана и заключили в тюрьму города Йезд.

Самым знаменитым оппозиционером является опальный 85-летний великий аятолла Хосейн Али Монтазери, один из вождей исламской революции 30 лет назад. Он публично заявляет, что на смену монархической деспотии пришла новая тирания. В роли главного тирана и деспота представлялся аятолла Али Хаменеи.

Он стал преемником имама Рухоллы Хомейни на посту «рахбара», духовного лидера, оттеснив великого аятоллу Монтазери, которого многие считали наиболее вероятным кандидатом.

Монтазери – перс, Хаменеи – этнический азербайджанец, что привносит дополнительный оттенок в противостояние двух видных религиозных деятелей. Однако его причины глубже. Монтазери выступал против репрессий в отношении оппозиции, в частности, в 1988 г. он пытался не допустить уничтожение почти трех с половиной тысяч противников Хомейни и даже безуспешно обращался по этому поводу к самому имаму. После смерти Хомейни в 1989-м Монтазери выступил не только с осуждением экономических и социальных аспектов политики имама, но и против неверного, с его точки зрения, воплощения в жизнь «веляят-е факих», главного принципа исламской системы, в соответствии с которым шиитское духовенство наделено исключительной политической властью. Правда, при жизни имама Хомейни в таком вольнодумстве Хосейн Али Монтазери замечен не был.

В конце президентства Хатами аятолле Монтазери вернули свободу передвижения, но при условии, что он не будет вмешиваться в политику. Тем не менее в Куме, религиозном центре Ирана, создан сайт аятоллы Монтазери, который используется религиозной и светской оппозицией для критики режима Али Хаменеи. В событиях 2009-го Монтазери осторожно встал на сторону оппозиции, призвав к проведению траурных дней по погибшим во время столкновений полиции с демонстрантами. Весьма примечательным представителем религиозной оппозиции является внук имама Хомейни, Хосейн Хомейни, внешне похожий на своего деда. Он известен самыми резкими заявлениями в отношении режима, который он сравнивал с периодом инквизиции в Европе, называл «новой диктатурой, установленной в религиозной форме... худшей, чем при шахе и монголах». Внуку основателя ИРИ позволяет то, за что другой давно бы поплатился жизнью. В 2003 г. Хосейн побывал в Ираке, где имел беседы с главой местной американской администрации Полом Бремером, а также в США, где активно выступал публично и встретился с Резой Пехлеви, сыном покойного шаха Мохаммада Реза-Пехлеви, злейшего врага его деда. Видный оппозиционер положительно высказывался об иракском сценарии смены власти в Иране.

Хотя в 2004-м Хосейна Хомейни вернули в Иран и установили за ним строгий контроль, он продолжал выступать за сверже-

ние режима мулл тем или иным путем, вплоть до иностранной интервенции. В июле 2009 г. Хомейни-младший подтвердил эту позицию в интервью Би-би-си, снова подвергнув критике «реакционный веляят-е факих». При этом Хосейн никогда не отзывался негативно об основателе данной системы – своем деде. Некоторые исследователи относят к оппозиционерам даже двоюродного брата «рахбара», аятоллу Хади Хаменеи, он подвергался преследованиям консерваторов за свои реформаторские взгляды.

Али Акбар Хашеми Рафсанджани и Мохаммад Хатами – представители другой категории оппозиции, которая не подвергает сомнению своего права как представителей духовенства на прямое участие в политике. Именно эти люди были организаторами и финансистами предвыборной кампании Мир Хосейна Мусави, который сам по себе не является самостоятельной политической фигурой. В знамя сопротивления Мусави превратился неожиданно для себя: он никогда не ставил под сомнение легитимность иранской системы. Мусави всегда оставался послушным исполнителем воли властей и в свое время добросовестно служил и имаму Хомейни, и аятолле Хаменеи. Существует версия, согласно которой за Мусави и его сторонниками стоит та часть духовенства, которая хотела бы, избавившись от наиболее реакционных и одиозных проявлений религиозной системы ИРИ, сохранить сам принцип политического верховенства клерикальной верхушки. Им противостоят, с одной стороны, консерваторы в среде мулл, не желающие ни малейшего отступления от жестких религиозных норм, а с другой – радикальная оппозиция, требующая и вовсе отделить ислам от политики. Похоже, что противостояние этих трех течений и определит будущее Ирана.

Исламская революция-79 была частью общего антиимпериалистического движения в развивающихся странах, которое набирало силу в 60–70-х годах XX века. Ведущую роль в этом глобальном процессе играли левые и националистические силы, пользовавшиеся, как правило, поддержкой Советского Союза. Однако с данным течением были связаны и религиозные структуры разных конфессий. Некоторые из них искренне боролись против неокOLONиальной экспансии западных держав и транснациональных корпораций, а также против правительств, являвшихся проводниками этой политики внутри собственных стран. Другие присоединились к движению, чтобы противостоять усилению левых сил и перехватить ряд их инициатив, в том числе и революцион-

ных. После свержения шаха в Иране были ликвидированы и левые организации, и организации иранской буржуазии, которые ранее противостояли друг другу. В период борьбы с монархией они пытались найти общий язык с исламскими революционерами из лагеря имама Хомейни, однако это не отвечало интересам последнего. Опальный имам сумел перехватить многие социальные и политические лозунги оппозиции и повести массы за собой. В стране установилась новая система власти, основой которой стало радикальное консервативное шиитское духовенство, видевшее будущее Ирана исключительно через собственную призму прочтения Корана и религиозных предписаний. В социальном же плане сложилась парадоксальная ситуация. Режим провозгласил себя защитником «обездоленных», но к ним оказались отнесены отнюдь не только малоимущие слои, но и многие противники монархии Пехлеви вне зависимости от их материального положения. В эту категорию попали, к примеру, богатейший в Иране человек аятолла Рафсанджани и другие исламские революционеры, крайне далекие от проблем большинства населения. Начал формироваться новый социальный слой – религиозно-политическая бюрократия, готовая всеми возможными методами защищать уже не столько народ, сколько свои собственные интересы.

После свержения шаха новая власть оказалась в сложных условиях внешней изоляции, усугубившейся войной с Ираком, которому, гласно или негласно, помогал практически весь остальной мир. Тем не менее заряда энергии, выброшенной исламской революцией, хватило надолго. Иранское руководство опиралось на поддержку большинства религиозных масс, для которых исламские власти были обязаны создавать систему социального обеспечения. Достаточно длительное время задачи по обеспечению стабильности в обществе выполнялись. В результате, исламский режим не только выжил, но и продемонстрировал способность к развитию. Со смертью имама Хомейни и его ближайших единомышленников исламская революция в Иране завершилась. Государство постепенно начало освобождаться от радикальных элементов революционного наследия, препятствовавших прогрессу. Был взят стратегический курс на становление государства мирового уровня.

Так, за последние годы Иран добился серьезных внешнеполитических успехов. В Багдаде и Иракском Курдистане к власти пришли политики, тесно связанные с Тегераном, некоторые влия-

тельные иракские лидеры, персы по происхождению. Во властных структурах Афганистана, по признанию высших руководителей страны, также находятся люди, с которыми Иран сотрудничал еще до ввода американских войск. В странах Центральной Азии Тегеран ведет работу по созданию заделов на будущее. Иран обладает потенциалом для достижения объявленных целей, однако его реализация требует не только желания и государственной воли, но и глубоких знаний, национальных кадров специалистов и др. И конечно же, для созидательного развития государству необходим длительный период мирной жизни. Аналогичные задачи, по сути, ставил и светский монархический режим, который, правда, пытался решать их, опираясь на опыт и поддержку экономически развитых государств. Чувство национального достоинства, возрожденное в иранцах последним шахом и присущее жителям страны самых разных социальных категорий, получило новый импульс после победы исламской революции. В Иране укрепляется национальное самосознание, а это означает и более критическое восприятие существующей реальности.

Почти 30-летний опыт исламского правления в Иране подтвердил то, что многим было ясно изначально. Все неудачи и управленческие просчеты религиозно-политического руководства, которые неизбежны для любой государственной власти, будут негативно сказываться не только на самом духовенстве, но и на шиитском исламе в целом. В этих условиях возникает вопрос о том, как снять с себя ответственность за негативные последствия для народа политического курса и передать власть светским лицам. Каким образом произойдет выход мулл из прямого участия в политике – вопрос тактики и времени, но без его решения успешное развитие невозможно. Система имеет определенный опыт. Из шести иранских президентов трое – светские лица: Абольшасан Банисадр (1980–1981), Мохаммад Али Раджаи (1981) и сам Махмуд Ахма-динежад. Правда, ранее их сменяли муллы. Теперь клерикальной верхушке надо либо менять облик исламского руководства, что таит в себе много угроз системе, либо уходить на теневую сторону власти.

В противном случае муллы рискуют со временем потерять не только свое влияние, но и свою опору – ислам. Затягивание с решением данной проблемы будет неизбежно способствовать процессу деисламизации Ирана, который можно назвать и секуляризацией общественной жизни. Этот процесс подспудно идет в стра-

не давно. Значительная часть традиционного шиитского духовенства понимает необходимость принятия такого решения во имя сохранения своего престижа в обществе. Пафос опальных аятолл, таких, в частности, как Буруджерди и Монтазери, в целом заключается именно в этом. Интересный выход из сложившейся ситуации предложил внук имама, Хосейн Хомейни. В интервью Би-би-си (22.07.2009) он призвал провести общенародный референдум по вопросу об исламской республике. С его точки зрения, плебисцит о политическом строе Ирана нужен, поскольку большинство населения страны не принимало участия в его выборе в 1979 г. Выборы же наглядно показали, что иранское общество стремится к переменам.

Борьба за политическое обновление продолжается, и расстановка сил сложна. Особенно интересна роль Ахмадинежада. Иностранные наблюдатели обратили внимание на то, что церемония утверждения в должности президента Ирана, совершаемая духовным лидером и являющаяся одним из ключевых событий политической жизни, на этот раз освещались иранскими СМИ очень сдержанно. Более того, первыми о ней сообщили каналы государственного телевидения, ориентированные на иностранную аудиторию (арабоязычный «Аль-Алам» и англоязычный Press-TV). В ходе и непосредственно после выборов Али Хаменеи полностью солидаризировался с Махмудом Ахмадинежадом. Но на инаугурации все отметили отстраненность Хаменеи. Так, новоизбранный президент не был допущен к руке духовного лидера (ему позволили поцеловать только плечо). Многие полагают, что стремление Ахмадинежада, светского политика, к укреплению личной власти вызывает растущее беспокойство духовенства. Примечательный конфликт произошел в июле, когда Махмуд Ахмадинежад, не дожидаясь, когда его утвердит духовный лидер, назначил на пост первого вице-президента своего родственника Эсфандияра Рахима Машаи. Это решение пришлось отменить под давлением консерваторов, которые обвиняют Машаи в неосведомленности в вопросах религии и примирительном отношении к США и Израилю. Тем не менее Машаи был назначен советником президента и руководителем его администрации. Ахмадинежад объявил также о намерении впервые в истории ИРИ включить в состав правительства женщин, что не пользуется поддержкой консерваторов.

Внутренние перемены в Исламской Республике Иран, неизбежность которых очевидна, станут важным элементом многооб-

разной картины всей мировой политики. Внешние игроки, вне всякого сомнения, будут стараться повлиять на происходящее в Иране и воспользоваться ими. России предстоит очень серьезно подойти к сохранению и укреплению своих связей с Тегераном, если Москва намерена играть существенную роль в ключевом регионе планеты.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2009 г., т. 7, № 4, с. 147–156.*

А. Вавилов,
публицист

КРИЗИС АМЕРИКАНО-АРАБСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Наращение силовой составляющей в ближневосточной политике США, продолжение линии на поддержку обструкционистского курса Израиля – эти «долгоиграющие» факторы приводили к углублению и расширению трещин в здании американо-арабских отношений, к распространению в регионе антиамериканизма. В результате активизации американской экспансионистской, гегемонистской стратегии, внутренних противоречий и неоднозначного влияния глобализации Ближний Восток остается регионом с наибольшим конфликтным потенциалом. Причем во многом в результате политики Вашингтона конфликты в регионе множились и стали накладываться один на другой, делая узел противоречий еще более тугим и запутанным. Ближневосточный конфликт, сводившийся на протяжении полувека к арабо-израильскому противостоянию, дававшему каждое десятилетие вспышки вооруженных столкновений, перерос региональные рамки, превратился в бомбу замедленного действия под фундаментом международного мира и безопасности, серьезно затруднил формирование нового мирового порядка, поставил мировое сообщество перед угрозой междоусобицы и межконфессионального раскола.

На основе почти 60-летнего исторического опыта ближневосточного конфликта американские правящие круги все в большей мере убеждались в тупиковости и бесперспективности политики Израиля по поискам его военного решения, предпринимали во многом эффективные шаги к политическому урегулированию его отдельных аспектов. В то же время в силу близости интересов они не могли отрешиться от поддержки гегемонистских устремлений